

лица, чем ускорить формирования государственно-муниципальной системы народного просвещения на местах [1, с. 120-121]. Также было высказано требование: «посторонние училища и пансионы отнюдь не... допускаемы, есть ли они преподают учение не по правилам, изданным от Комиссии о Народных училищах, которая об них полное сведение иметь должна».

1. *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о статистике и Европе вообще в статистическом виде, сочиненное экстраординарным профессором Евдокимом Зябловский. Ч. 1-3. Кн. 1. СПб., 1808.

УДК 94(47).043-046 + 929

А.А. Селин¹

Новгородские татары и новокрещены XVI–XVII вв.:

Опыт просопографического изучения²

Татары; новокрещены; Новгородская земля; расселение; конверсия; просопография.

Рассматривается история формирования и функционирования малой социальной группы в Новгородской земле второй половины XVI – начала XVII в. На основании ряда источников, реконструируется география расселения, и ставится проблема конверсии – переходу мусульман в православие. Выделяются этапы социально-политической истории новгородских татар и новокрещенов до начала Смутного времени. Используется просопографический метод: изучено 418 биографий татар и новокрещенов. Основными источниками являются документы Разрядного и Поместного приказов, а также Новгородской приказной избы. История новгородских татар началась в 1550-х гг., в это время группы татар из Астрахани и Казани были помещены в восточной части новгородских земель. В течение 1550–1611 гг. различные группы мусульманского населения из Азова, Крыма, Бухары продолжали появляться в Новгороде, обретая самоидентификацию. Исследуется также проблема перехода татар из ислама в православие.

Специфика территориальной и служебной организации Новгородской земли XVI–XVII вв. заключалась, в частности, в присутствии в ней многочисленных категорий (чинов) служилых людей, наиболее

¹ Селин Адриан Александрович, Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., Adrian.selin@gmail.com.

² Данный текст подготовлен в рамках проекта ПФИ НИУ ВШЭ «Трансформация режимов управления разнообразием: война, реформы, революции в Российской империи».

разнообразных в низах городской организации. Формирование особой категории «татар и новокрещенов» внутри новгородского служилого города в середине XVI в. вполне укладывалось в общую тенденцию к интеграции, «перемешиванию» разных категорий военных страт Московского государства. Нет сомнения в том, что реализовывавшие эту интеграцию Разрядный и Поместный приказы не ставили перед собой подобной задачи – их цели были значительно более простыми: усиление военной силы на Северо-Западе путем привлечения новых служебных групп и обеспечение их службы поместным жалованьем. В специфических условиях Новгородской земли «татары и новокрещены» сохраняли внутреннюю служебную организацию, не зависимую от других групп новгородского служилого города и были готовы инкорпорировать другие, не связанные с бывшими мусульманскими ханствами, но также чуждые для Новгорода группы служилых людей, не всегда мусульманского происхождения (крымцев, бухарцев, но и «волошан» и даже грузин). Этому способствовал впрочем и принцип учета разных групп служилого сословия в Разрядном ведомстве, выделявший «татар и новокрещенов» вплоть до конца XVII в. Постепенный переход большинства «татар» Северо-Запада в православие не вел к немедленной интеграции их с другими новгородскими служилыми людьми.

Сложный бюрократический язык Поместного и Разрядного приказов стал своеобразным ответом приказной управленческой практики на многообразие территорий, оказавшихся под властью московских царей в XVI в. Широкая номенклатура служилых чинов приводила к сложностям их учета Разрядом и местными властями, во взаимодействии Разрядного и Поместного ведомств, в местном управлении в целом. Термины, использовавшиеся дьяками для описания чинов разных уездов, «городов» часто совпадали, но не везде точно указывали на генезис того или иного чина, на синонимичность чинов в разных уездах. Так, пока не исследован вопрос о том, насколько «земцы» Пскова и Смоленска в XVI – начале XVII вв. были так же, как и в Новгороде Великом, сохранившими свои владения потомками представителей местных элит. В каком-то смысле выработанная в приказах терминология была способом упрощения управления, в особенности – управления малыми группами служилых людей.

Наиболее устойчивой группой служилых людей Новгорода Великого может считаться, пожалуй, именно группа новгородских татар-мусульман и новокрещенов как обладавшая дополнительными признаками, объединявшими своих представителей – религия и, веро-

ятно, язык. Эта группа была сформирована в Новгороде в течение XVI в. в результате раздач поместий служилым людям, переведенным из вновь присоединенных к Московскому царству поволжских мусульманских территорий. Новгород Великий был только первой территорией царства, где возникли небольшие островки татарского землевладения; позднее раздача поместий татарам-мусульманам и новокрещенам продолжилась на территории Ливонии.

Интеграция разных групп служилых людей татарского происхождения в новгородский «служилый город» шла несколькими этапами. Карамышевы, заметные среди лиц, получавших в середине XVI в. кормления в Новгородской и Псковской землях [1, № 53, 120, 126], несомненно, были связаны происхождением с выехавшими в Московское великое княжество татарами. Следующие фамилии, ставшие частью новгородского «города», верставшиеся на общих основаниях с представителями других групп – по пятинам, а не в рамках особой корпорации – дети боярские несомненно татарского происхождения Ададуровы и Изетдиновы. В середине XVI в. они становятся интегрированной частью верстанных по пятинам новгородских городских дворян³ [3, т. 4: 94, 137, 150, 151].

Около 1571/72 г. значительные группы татар оказываются в Новгородской земле, занимая целые большие территории, прежде всего в Бежецкой пятине, на востоке региона. Очередной этап переселения в Новгородскую землю татарских помещиков произошел после поражения в Ливонии в 1581-1583 гг. Так, в августе 1584 г. в Климентовском Тесовском погосте Водской пятины получили поместья «ругодивские новокрещены» – выведенные из Ливонии помещики-татары⁴.

К началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. Это связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ханса новокрещены были собраны в городе для рассылочной службы⁵. Верстание татар и новокрещенов всех пятин новыми окладами в 1606 г. было осуществлено в особой десятне⁶.

Важным направлением для изучения этой группы является исследование социальной динамики, в сочетании с исследованием гео-

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 958. Л. 44, 86 об.–87, 108, 111.

⁴ Там же. Кн. 16 936. Л. 17–18 об.

⁵ Научно-исторический архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. I. Д. 18.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122.

графии расселения. Имеющийся материал позволяет описать два поколения татар и новокрещенов, используя весь комплекс источников по их служебной биографии. К настоящему моменту подготовлена открытая и пополняемая база данных (<http://sh.spb.hse.ru/chr/socialhistory>), охватывающая 418 персоналий татар, известных по источникам 1571-1606 гг. Более ранние сведения о новгородских татарах – крайне отрывочны. Источники же после 1606 г. следует, видимо, рассматривать в контексте более тесной интеграции этой группы в состав новгородского служилого города, несмотря на то, что как отдельная категория учета новгородские татары и новокрещены сохраняются вплоть до начала петровских реформ.

Появление первых татар в Новгородской земле было связано с переселением из Астраханского и Казанского царства после их завоевания. По наблюдениям М.В. Моисеева, в середине XVI столетия Новгород был местом ссылки татарской аристократии, первоначально казанской [Моисеев 2013; 2016]. Известно об участии новгородских новокрещенов в полоцком походе 1563 г. (30 человек); однако до появления сохранный поместной документации эта корпорация выглядит безымянной; нельзя с уверенностью говорить и о месте испомещения ее членов.

Постоянный приток на Северо-Запад новых служилых людей и наделение их поместьями усложнял эту группу; к ней присоединялись все новые и новые страты. Известен факт испомещения в Новгородской земле в конце XVI в. двух арабов. В конце 1590-х гг. из Посольского приказа в Новгород была прислана часть двора бывшего крымского царевича Мурат-Гирея, так в Новгороде появились крымские татары. Некоторые новокрещены начала XVII в. были по происхождению представителями черкесских народов: в 1598/99 г. в Новгороде было принято на службу три новых новокрещена – «черкашенина». Были части дворов сибирских царевичей, малочисленные касимовские татары и «бухарене». К этой же группе новгородские власти, распределявшие поместья среди прибывавших новых претендентов, относили даже некоторых немусульманских деятелей. Таковым был, к примеру, Михаил Нармантов, «полоняник Грузинской земли». В десятне 1605/06 г. под категорией «татары» описаны явно не только мусульмане. Так, «полоняник Микулко Федоров сын Волохов» происходил видимо из молдаван или валахов.

После ухода московских войск из Ливонии в 1583-1584 гг. «юрьевские» и «ругодивские» служилые люди получили компенсацию за свои поместья в Новгородской земле и в некоторых других

уездах Северо-Запада. Таким образом группа новгородских татар усложнилась за счет притока татар-ливонских помещиков: в волости Удомля было испомещено 29 «юрьевских новокрещенов» и 27 «говейских казаков». После возобновления военных действий со Швецией в конце 1589 г. новгородские татары в числе других служилых людей были посланы под Ивангород. Некоторые из них погибли. В конце XVI – начале XVII вв. к новгородским «татарам и новокрещенам» были отнесены части дворов крымских царевичей, в Новгороде были испомещены выходцы из других мусульманских территорий, вошедшие в состав московского служилого сословия. На востоке Новгородской земли в 1590-е гг. получали поместья московские татарские толмачи, служащие Посольского приказа.

К 1602 г. относится самый ранний сохранившийся подробный список новгородских служилых татар-мусульман и новокрещенов. Вплоть до верстания 1605/06 г. в списках новгородских татар-мусульман и новокрещенов сохранялись указания на происхождение: казанские татары отделялись от астраханских, крымские от ногайских и проч. В 1605/06 г. для этой категории служилых людей была составлена особая десятня⁷. Десятня учла 200 с небольшим человек. Именно в этой единственной десятне, специально зафиксировавшей новгородских татар как особый служилый чин, начали стираться внутригрупповые границы.

В годы Смуты, в том числе в 1611–1617 гг. «татары и новокрещены» сохранялись как особый чин новгородского «города». Однако именно в это время они, как и другие группы служилых людей, понесли невосполнимые демографические потери. Уже в 1612 г. территории, где новгородские татары были испомещены, вышли из под контроля новгородского правительства. Вскоре волость Удомля полностью обезлюдела, находясь, видимо вне контроля каких бы то ни было правительств (до лета 1613 г.), равно как и Суглицкая волость, располагавшаяся к востоку от Тихвина, на дороге к Устюжне. Все сохранившиеся известия о новгородских «новокрещенах и татарах» 1611–1617 гг. относились собственно к Новгороду. С 1612 г. эти категории служилых людей стали получать поместья в западных районах Новгородской земли; сохранив верность новгородскому правительству в годы кризиса лета 1614 г., многие представители этой группы получили пригородные поместные владения. При этом производились и разовые денежные выплаты как поместным, так и беспоместным

⁷ Там же.

татарам-мусульманам и новокрещенам. Значительная часть однако осталась без поместных дач и довольствовалась денежными выплатами.

Боевые действия 1612-1615 гг., плен и обращение с пленными вели к изменениям в составе служилой группы новгородских татар, в том числе – к пополнению их состава. Так, взятый в плен в столкновении с московским войском служилый кадомский татарин Байбак Кудашев был освобожден по челобитной новгородского новокрещеного татарина Павла Таребердеева, который поручился за него перед новгородскими властями, и в сентябре 1615 г. пополнил ряды новгородских татар⁸.

В списке новгородского войска, составленном в марте 1613 г. ни один из новгородских татар не упомянут⁹. Летом 1613 г. новгородские татары были отправлены под Тихвин, где вместе с другими новгородскими служилыми людьми и со шведами участвовали в неудачной для себя осаде Тихвина монастыря. После столкновений под Бронницами с московской армией кн. Д.Т. Трубецкого летом 1614 г. новгородские татары не перешли на сторону Москвы.

После событий в Новгороде июня 1615 г. новгородские татары были принуждены к присяге королю Густаву Адольфу, и в том же году приняли участие в осаде королем Пскова. Отряд татар, по сообщением лазутчиков, посланных из посольского стана на Песках, возглавил Никита Калитин, «а Микита де Калитин у короля думной дворянин и ныне пошел х королю подо Псков, а с ним в полку тотаровя всего 25 человек»¹⁰. Массовый переход татар на московскую сторону, под Тихвин произошел в самом начале 1616 г. 16 марта 1616 г. 12 новгородских «татар и новокрещен» были пожалованы сукном за «новгородский выход». Это была половина тех, кто полугодом ранее присягнул королю Густаву Адольфу. Остальные либо исчезли со страниц источников, либо оказались королевскими подданными.

Катастрофические события Смуты привели в первую очередь к мобилизации поместных дач татар и новокрещенов, до Смуты расположенных компактно, в бывших дворцовых волостях; значительная часть татар перешла на положение кормовых. Источники разрядного и поместного делопроизводства более не содержат указаний на происхождение служилых людей-татар из разных групп, преимущественно мусульманских, переселенных на Северо-Запад двумя поколениями

⁸ Riksarkivet (Stockholm). Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie 2: 41. Л. 2–3.

⁹ Там же. Serie 2: 172–В.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 312–316.

раньше.

После окончания Смуты новгородские «татары и новокрещены» сохранялись как особый чин, относящийся к низам служилого города. Их служба в это время – преимущественно в гонцах, «в осаде», в приставах. Поместные татары постепенно сливались с городовыми дворянами и детьми боярскими. В переписных книгах 1646 г. и более поздних, в другой поместно-вотчинной документации принадлежность новгородских помещиков татарского происхождения к «татарам и новокрещенам» почти никогда не отмечалась, так как раздачи дворцовых волостей в это время прекращаются, и исчез приказной смысл указания на татарское происхождение предков помещиков. В качестве особой группы новгородских служилых людей сохранялись только не имевшие поместных дач новгородские кормовые татары. По всей вероятности ближе всего они были к служилым людям по прибору, новгородским казакам и стрельцам (в среде которых в течение XVII в. также наблюдается наследование детьми отцовского чина). К 1675 г. число новгородских «татар и новокрещенов» также исчислялось несколькими десятками. Но в этой категории во второй половине XVII в. учитывались только кормовые, т.е. не имеющие поместья, татары. Таким образом, чин «новгородские татары и новокрещены» сохранялся к тому времени только в разрядной документации, исчезнув из практики Поместного приказа. Вплоть до 1699 г. эта категория учитывалась в сметных росписях Новгорода. Согласно переписной книге Великого Новгорода 1678 г. новгородские татары не жили компактной группой, но в значительном числе жили бок о бок со служилыми казаками «беломестцами на тяглых местах» [2, с. 127, 129, др.].

Чем же были новгородские служилые татары – особой социальной группой или бюрократически выделяемой категорией – чином? Относящиеся к эпохе Смуты вышеприведенные примеры говорят о социальной самоидентификации. Она была связана, вероятно, с одной стороны, сохранением частью новгородских татар ислама, возможно – языка. После Смуты наблюдаются те же процессы, которые фиксируются в течение XVI в., когда испомещенные в Новгородской земле «на общих основаниях» татарского происхождения служилые люди так же на общих основаниях попадали в десяти и не выступали в качестве особого чина. Представления о социальном многообразии новгородского (или какого-то еще) общества базируются на данных московской деловой письменности. Преимущественно речь идет о памятниках, созданных в Поместном приказе и Разряде. Эти старейшие учреждения московской системы управления создавали чины, реаги-

руя на вызов многообразия земель и уездов, объединенных в Московском царстве. Насколько создававшиеся дьяками бюрократические категории соответствовали реальным различиям в социальных отношениях, иными словами – насколько границы между дискретными чинами были границами социальными? Полагаю, что ответ на такой вопрос можно попытаться дать только путем привлечения источников личного происхождения (крайне редко сохранившаяся частная переписка), либо судебно-следственных дел (изветные челобитные, материалы судебных тяжб и иных расследований), словом – те памятники, которые не связаны с намеренным приказным разделением общества, прежде всего служилого, на чины.

2. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества. Изд. А. Юшков. М., 1898.

3. Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII вв.: Сб. док. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

4. Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-40-х гг. / Составитель К.В. Баранов. М., 2004.

УДК 94(438).04

П. Гаврон¹

Офицерская служба в подразделениях иноземного строя Речи Посполитой как социальный лифт в правление двух первых Вазов (1587–1648)²

Речь Посполитая XVI–XVII вв.; коронная армия; литовская армия; офицерский корпус; войска иноземного строя; социальный лифт; Сигизмунд III Ваза; Владислав IV.

Офицер, служивший в войсках иноземного строя в правление двух первых Вазов, имел различные карьерные перспективы. Некоторые из них – прежде всего, представители элиты из Королевской Пруссии, Ливонии и Курляндии – триумфально завершали военную службу назначениями на очень значимые, включая сенаторские, должности. Часть бывших офицеров, благодаря поддержке бывших командиров, пополнили ряды польско-литовской шляхты. Наконец, часть из них так и остались солдатами удачи. Это касается и офицеров родом из Королевской Пруссии, потомки которых в XVIII в. вошли в состав прусского офицерского корпуса Фридриха Великого.

В 1587-1648 гг. набор иностранных отрядов начинает играть все

¹ Гаврон Пшемислав, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве (Польша, Варшава), доктор истории, przemekgawron@wp.pl.

² Перевод с польского – О.С. Смирновой.